

Своим названием гостиница «Золотые капли» была обязана знаменитому мурбрукскому виски, который благодаря своему неповторимому земляному привкусу, объяснявшемуся применением болотной воды, пользовался большой популярностью в Анкарии. Разумеется, те времена, когда обитатели Мурбрука могли позволить себе распивать этот благородный напиток, давно миновали. Теперь местные жители считали, что им повезло, если удавалось напиться самогона, который трактирщик Йорген в подвале гостиницы гнал из всего, что попадется под руку. Шел слух, что, по крайней мере два гостя Йоргена из-за его сивухи лишились зрения, а у десятка других иссякла мужская сила — во всяком случае, на это жаловались их жены. Но в нынешние времена, когда страх стал постоянным попутчиком людей и каждый невольно бросал взгляд через плечо, если за спиной не чувствовал стены, желание забыться пересилило страх перед нежелательными побочными действиями, так что в единственном трактире Мурбрука каждый вечер дым стоял коромыслом.

Как и сегодня.

Прошел час, как Зара и Фальк оставили у пруда Яна и заняли номер в «Золотых каплях». Когда они спустились по скрипящей узкой лестнице на первый этаж и открыли дверь в помещение трактира, в нос им ударил запах застоявшегося, наполненного дымом и потом теплого воздуха. И окутал невидимым покрывалом, как только они переступили порог. Зал был битком набит. Время от времени непрерывный гул десятков взволнованных голосов заглушался громкими возгласами или проклятиями. Смех сейчас был неуместен. Зато отчаяние, ярость и скорбь посетителей прямо захлестнули Зару, когда она прикрыла за собой дверь и стала оглядываться в поисках свободного места. Около пятидесяти мужчин, столпившихся в небольшом помещении с массивной, исцарапанной дубовой стойкой и открытым камином, занимали почти каждый свободный сантиметр пространства. Только рядом с мужчиной, головой лежавшем на грязной столешнице, но не выпускавшем из рук бутылку сивухи, два места были свободны.

Зара и Фальк стали пробираться сквозь плотную толпу пьющих и толкующих о чем-то людей и тотчас привлекли к себе десятки любопытных взоров. Несколько мужчин склонились друг к другу и стали перешептываться, другие перебросились несколькими словами с хозяином трактира Йоргеном, который, разговаривая с гостями за стойкой, украдкой поглядывал на Зару. Только что Йорген показывал им комнату — скромную конуру для прислуги под самой крышей с двумя продавленными кроватями, комодом и стулом с тазом для умывания — и едва вымолвил два-три слова, но теперь его рот не закрывался. Благодаря ему уже каждый из присутствующих знал, кто такая Зара и что ее сюда привело. Подобная осведомленность ее вполне устраивала — так ей не придется отвечать на докучливые вопросы.

Под внимательными, украдкой бросаемыми взглядами Зара и Фальк протиснулись к угловому столу и опустились на свободные стулья слева и справа от пьяного, от которого малоаппетитно пахло анисом, серой и дымом. Лысый, в пигментных пятнах затылок выдавал, что его обладатель лучшие свои годы уже давно оставил позади.

Зара подвинула стул, чтобы лучше видеть помещение. Зал отсюда хорошо просматривался, только в дальнем углу напротив стойки имелось что-то вроде ниши, которую Заре с ее места не было видно. Некоторых мужчин, сейчас — со стаканами и увесистыми глиняными кружками в руках, с румяными щеками и остекленевшим взглядом, она уже видела на площади. У некоторых из-под грубой полотняной одежды и плащей почему-то выглядывали платья тонкого шитья и вышитые по подолу золотой нитью юбки. В первый момент ей показалось, что среди

гостей нет ни одной женщины, но теперь Зара поняла свою ошибку — в помещении находились несколько молодых женщин, но из-за тяжелых сапог и грубых курток Зара приняла их за мужчин. Намерение женщин было очевидным: мужской одеждой они надеялись обмануть бестию. Но Зара сомневалась, что такой маскарад поможет: ведь чудовище не попало на удочку переодетых женщинами охотников. Зверь явно реагирует не на зрительные раздражители. Как и всех хищников, его привлекает запах. А запах женщины настолько отличается от мужского, что никакая одежда не может его скрыть...

Минут пять Зара и Фальк молча сидели за столом в ожидании человека, готового их обслужить. Так как хозяин не собирался отрываться от болтовни за стойкой и подходить к ним, Фальк взял дело в свои руки, вернее, из рук храпевшего между ними пьяницы. Забрав у него бутылку, что вызвало у мужчины вялый протест, он, не спрашивая, выхватил у троих бородатых мужчин за соседним столом, игравших без всякого энтузиазма в карты, прямо из рук два стакана, в каждый налил на два пальца сивухи и пододвинул к Заре один. Фальк прекрасно понимал, что все присутствующие наблюдают за его действиями, но сохранял полную невозмутимость. Он кивнул Заре, приветственным жестом поднял стакан, опрокинул одним махом питье и вызывающе стукнул стаканом по столу, ощущая согревающее действие алкоголя во внутренностях.

— Ах, — с явным удовольствием вздохнул он, — нет ничего лучше, чем пропустить стаканчик в дружеском кругу. Не так ли, друзья?

Он насмешливо и провокационно огляделся, но мужчины и женщины за соседними столами все как один отводили глаза; в воздухе чувствовалась безмолвная неприязнь. Фалька такое отношение только раззадорило. Он налил себе еще, поднял стакан и громким голосом обратился к присутствующим с тостом:

— За вас, не обладающих даже элементарной вежливостью, чтобы выпить с двумя чужеземцами, приехавшими спасти ваших жен и дочерей.

Он разом опрокинул стакан, со стуком поставил его на стол и заносчиво ухмыльнулся. Но его провокация не возымела действия: никто не вскочил с места, чтобы за оскорбление поставить Фалька на место. Все продолжали безучастно смотреть в свои стаканы, углубившись в тихие разговоры, которые вращались вокруг странной чужачки с длинными черными волосами и нахального бродяги, но для них ни у кого не нашлось ни гневного, ни дружелюбного слова. Выглядело так, словно никто не хотел иметь с ними решительно никаких дел.

Похоже, молчаливое неприятие задело Фалька больше, чем он сам готов был себе в том признаться, но Зара была лишь благодарна за подобный прием. Она здесь находилась не для того, чтобы вести застольные беседы, ее нисколько не занимало, что о ней думают эти люди. Она хотела просто сделать дело, ради которого сюда прибыла, и затем как можно быстрее исчезнуть. Два часа назад, когда они сюда приехали, у Фалька возникло чувство, что в Мурбруке Зара чувствует себя неуютно, и оказался недалеко от истины. Все здесь — дома, люди, характерный запах болота и пихты, исходивший из окрестных лесов, — вызывало у Зары нечто вроде недомогания. Но не потому, что в этих местах рыскал зверь, просто все здесь казалось ей до боли знакомым. Как при дежа вю, когда то, что происходит и переживается сейчас, человеку представляется уже когда-то виденным и пережитым.

Но здесь не было никакого дежа вю.

Зара уже была здесь однажды, давным-давно. И боялась, что кто-нибудь из жителей ее узнает, хотя наверняка уже не осталось никого, кто мог бы ее вспомнить, так как с тех пор колесо времени сделало полный оборот.

С задумчивым видом Зара взяла стакан и в два приема выпила виски, в то время как Фальк пытался не показать виду, как его разочаровало бескультурье местных обывателей. Один момент казалось, что он хочет сделать третью попытку, однако все-таки воздержался.

— Тупой и неблагодарный сброд, — всего лишь пробормотал он, энергично налил еще спиртного, так что часть золотистого цвета пошла выплеснулась на стол. — Редкая гадость, — злобно проворчал он, опустошив стакан. — Как и все в этой дыре...

Словно в опровержение его слов, тотчас же открылась дверь, и в зал вошел человек в длинном зимнем пальто с закрывающим лицо капюшоном и снегом на плечах. Но вот капюшон был отброшен назад, и взору предстало красивое лицо молодой женщины около двадцати лет с румяными от холода щеками. Пока она отряхивала с сапог снег, следом вошел Ян, прикрыл за собой дверь и стал зябко потирать руки, одновременно оглядывая помещение. Заметив в углу Зару и Фалька, он прикоснулся к руке молодой женщины и указал на них. Она последовала за Яном через набитый битком зал к столу, где Фальк поспешно вскочил и стал неловко приглаживать свою голову в напрасной надежде усмирить буйные кудри. Столь же стремительно, как его охватил гнев на жителей Мурбрука, теперь его внимание переключилось на молодую женщину. Он стоял и, казалось, изо всех сил старался придержать нижнюю челюсть, в то время как парочка подошла к столу, и Ян наполовину охраняющим, наполовину собственническим жестом положил руку на талию молодой женщины, которая нервно переступала с ноги на ногу и переплетала пальцы. Она показалась Заре робкой косулей; неудивительно, что ее поведение пробуждало в Яне инстинкт защитника.

— Это, — сказал Ян, и в голосе его прозвучала нескрываемая гордость, — Ванья, моя невеста.

В свою очередь, он представил молодой женщине сначала Зару и затем Фалька, которому стало ясно, почему Ян до безумия влюблен в эту девушку.

Ванья была не классической красавицей, типом нередким при дворе Хоэнмута, а девушкой с естественной природной привлекательностью, лишенной всякого кокетства. Красивое лицо с маленьким веснушчатым вздернутым носиком и большими изумрудными глазами предавало ей очарование, длинные золотистого цвета волосы ниспадали волнами на плечи.

Когда она остановилась у стола и по ее лицу скользнула легкая улыбка, показалось, что помещение осветило солнце. Фальку осталось лишь втайне проклинать Яна. Чертов счастливчик, заполучить такую женщину!..

Ванья все так же нерешительно переступала с ноги на ногу.

— Даже не могу выразить, как я вам благодарна за все, что вы сделали для моего жениха, — сказала она, потупив глаза, как будто боялась посмотреть Заре и Фальку в глаза. — Без вас он был бы уже мертв, и я не знаю, как смогла бы жить без него.

Прежде чем Зара успела на это что-нибудь ответить, Фальк попытался взять ход разговора под контроль.

— Ах, об этом и говорить не стоит, — с великодушием отмахнулся он. — Когда мы увидели, как эти подлые негодяи насели на бедного Яна, мы, не задумываясь, вмешались. Хотя в нынешние времена далеко не каждый рискнет утверждать о себе, что он беспокоится о благе ближних. Не так ли, Зара?

Зара бросила пронизывающий взгляд на Фалька, который тот вряд ли заметил; все его внимание было приковано к молодой женщине, которая тем временем подарила ему благожелательную робкую улыбку.

— Примите мою благодарность, дорогой господин, — сказала она мягким, мелодичным голосом, который невольно напомнил Фальку дивное маскарелльское мобиле, которое шевелил мягкий бриз. Затем она обратилась к Заре, и в больших зеленых глазах молодой женщины воительница увидела благодарность, уважение и — страх. Ванья изо всех сил старалась не выказать его, но Зара ощущала ее страх, как стакан в своей руке.

— Ян сказал, что вы в одиночку одолели головорезов. Он вам благодарен и за то, что вы согласились приехать сюда, чтобы помочь нам.

Фальк пренебрежительно фыркнул и обвел глазами помещение; казалось, что с того момента, как пришли Ян с Ваньей, разговоры стали тише, а уши присутствующих сделались больше, но по-прежнему никто не решался смотреть на них открыто.

— Что же, если дело обстоит таким образом, то большинство мурбрукцев великолепно умеют хранить свою благодарность при себе.

— Вы не должны обижаться за их сдержанность, господин, — успокаивающим голосом сказала Ванья. — Люди у нас сердечные, добрые и очень гостеприимные, но после всего случившегося... — Она немного помедлила, подыскивая правильные слова. — С тех пор как стал нападать зверь, в Мурбруке многое изменилось. Двери, которые прежде всегда стояли открытыми, закрыты на засовы, никто больше не улыбается и не находит для другого приветливых слов. А на каждого, кто еще не потерял никого, глядят с подозрением, как будто он с чудовищем в сговоре. Страх, скорбь и отчаяние лишили людей жизненной энергии и стойкости, словно затяжная болезнь.

Ее голос дрожал. Зара не могла ставить ей это в вину — ее жизнь и все, что до сих пор для нее было важным, с каждым очередным мертвецом разрушались, уносились течением, как бревна сплавного леса в бурном потоке. Отчаяние девушки было так понятно, так... человечно.

Зара заглянула молодой женщине прямо в глаза и сказала:

— Если бестия — болезнь, то я стану лекарством!

Некоторое время они смотрели друг на друга, затем Фальк прервал паузу и подвинул Ванье стул.

— Не хотите ли присесть, мадемуазель? Быть стойким — это, конечно, добродетель, но иногда можно и согрешить.

Он дерзко улыбался, изо всех сил стараясь произвести впечатление на девушку.

— Спасибо.

Пока Ванья с улыбкой благодарности устраивалась поудобнее на стуле, Фальк незаметно потянул Яна в сторону.

— Бог ты мой, — прошептал он ему в ухо. — Ты — счастливая свинья...

Он с трудом оторвал взгляд от Ваньи.

— У твоей любимой случайно нет сестры?

Кажется, впервые с тех пор, как они встретились, Ян позволил себе улыбнуться:

— Тебе повезло. Она как раз входит сюда.

С этими словами он указал на трактирную дверь, которая распахнулась, и вместе с клубами морозного воздуха в зале появился бургомистр Рейнхард фон дер Вер в сопровождении молодой девушки — вылитой Ваньи, только, кажется, чуть моложе ее.

— Это, — сказал Ян, в то время как Фальк с разинутым ртом не отрывал взгляда от бургомистра с дочерью, входивших в помещение, — Анна.

— Праведное небо, — прошептал Фальк, — неужели где-то неподалеку гнездо красавиц?

Ян покачал головой:

— Красота им досталась в наследство от матери, которая, к сожалению, несколько зим назад покинула нас.

Зара, обладающая тонким слухом, несмотря на шум в помещении, проследила за беседой молодых мужчин. Она посмотрела на Ваню:

— Значит, ты — дочь бургомистра?

Ваня кивнула:

— Старшая. Анна на четыре года моложе меня.

Теперь бургомистр обвел взглядом помещение и увидел сидящих в углу Зару с Ваньей. Он одарил Ваню прохладной улыбкой и кивнул Заре. Анна тоже увидела сестру с незнакомцами в углу, но в отличие от отца ее улыбка была открытой и радостной. Она помахала Ванье, шепотом перебросилась несколькими словами с отцом и затем решительно направилась к их столу, в то время как фон дер Вер, сопровождаемый почтительными рукопожатиями и похлопываниями по плечу, направился к нише напротив стойки, которую нельзя было разглядеть отсюда. Анна подошла к столу Зары, стройная семнадцатилетняя девушка в длинном пальто, с убранными в конский хвост льняными волосами и такой же открытой улыбкой, как у Вань. Впрочем, она оказалась несколько иной, нежели сестра, так как, оглядев сидящих, спросила:

— А что требуется сделать молодой женщине, чтобы получить здесь приличное спиртное?

— Анна! — возмущенно воскликнула Ваня. — Что ты себе позволяешь?

Анна бросила на сестру дерзкий взгляд.

— Что тут такого? Ни один человек, будучи трезвым, не сможет вынести столь бедственное состояние. — Она вызывающе посмотрела на Фалька: — Что скажете, незнакомец?

Фальк поднял брови, пытаясь справиться с удивлением. Без сомнения, Анна и Ваня были внешне очень похожи, но характерами настолько разнились, что с трудом верилось, что они сестры: одна нерешительная и сдержанная, другая дерзкая, вплоть до нахальства. Он подвинул ей свободный стул, наполнил стакан и протянул девушке:

— За ваше здоровье, юная дама.

Анна взяла стакан и не моргнув глазом выпила одним махом. При этом она не спускала глаз с Фалька, как будто желая произвести на него впечатление тем, что даже не поморщилась от дешевой сивухи. Затем медленно опустила стакан.

— В последние дни есть лишь одно, за что можно благодарить древних богов, — заметила она, — они дают нам выпивку, необходимую, чтобы переносить это бедствие.

Она требовательно протянула Фальку пустой стакан.

Пока Фальк уже без особой охоты наполнял ей стакан, Анна огляделась.

— Значит, вы пришли, чтобы освободить нас от зла? — Скрытую насмешку в голосе можно было частично отнести на счет алкоголя. — Вы совсем не похожи на великих спасителей!

— Это, вероятно, оттого, что мы еще новички в этом деле, — кратко ответил Фальк. — Но мы обязательно прикончим бестию.

— Вне всякого сомнения, — насмешливо заметила Анна. Так как Фальк все еще не налил ей, она сама взяла бутылку и до краев наполнила стакан. — А когда справитесь с чудовищем, сразу же займитесь подонками, засевшими в этой дыре, а то к ним у зверя, к сожалению, нет никакого интереса.

— Анна! — в ужасе воскликнула Ваня. — Что ты говоришь?!

Анна обвела взглядом помещение, как будто готовясь к нападению, и с трудом сдерживаемая ярость засверкала в ее глазах.

— Это правда! — затараторила она. — Вдруг все стали изображать, как будто раньше мы были одним сообществом, большой дружной семьей, в которой каждый может рассчитывать друг на друга. Но все осталось по-прежнему, как до появления зверя: внешне все изображают участие и скорбь, кладут руки друг другу на плечи, но втайне любая баба рада, если погибла другая, а не она, и каждый отец вечерами молится о том, чтобы в следующий раз зверь напал на дочь соседа, а не на его собственную!

Ваня глубоко вздохнула, собираясь призвать сестру к порядку, хотя, конечно понимала, что Анна права, но не успела она приступить к акту воспитания, как неожиданно из ниши напротив стойки раздался гремющий баритон, такой громкий, что заглушил гул голосов в зале, низкий и звучный, подобный звону колоколов, встретившему их по прибытию в Мурбрук. Мгновение спустя оказалось, что такое сравнение весьма удачно.

— А я говорю вам, что бестия — Божье наказание! Бог, единственный наш господин, послал чудовище, чтобы испытать нас и очистить, и если мы не смягчим гнев Господа, бестия заберет нас всех, одного за другим! Да, черт побери, нас всех, пока Мурбрук не вымрет! Это воля Господа! Аллилуйя, говорю я!

Внезапно в помещении таверны воцарилась тишина. Все головы повернулись к нише, из которой вышел высокий широкоплечий мужчина в скромной лиловой мантии, с воротником, как белоснежное кольцо, обрамлявшим мясистую шею. Вокруг бедер на мантии тонкий пояс из золотых нитей, и даже подол рясы был украшен вышивкой с золотыми регалиями.

Это был священник той религии, которая знает только одного Бога — Бога любви и милосердия. Религия спасения все больше распространялась в Анкарии и во многих местах почти полностью вытеснила религию древних богов. То, что жители Мурбрука были приверженцами этой веры, Зара уже поняла, когда услышала звон церковных колоколов и увидела на кладбище кресты.

Из-за чрезмерного употребления хороших вин и жирной пищи и без того не худое лицо священника выглядело одутловатым, он был налысо обрит. Из глиняной кружки, которой он размахивал, выплескивалось пенистое пиво. Нетвердо ступая, священник направился в середину помещения и горящими глазами стал разглядывать окружающих; очевидно, сегодня он уже пропустил не один бокал. Пронизывающим взглядом он оглядел каждого по очереди, и многие из присутствующих, поймав взгляд священника, предусмотрительно отступили.

— Это Сальери, наш священник, — тихо прошептал Ян.

Сальери стоял, покачиваясь, посреди зала с кружкой пива в руке.

— Человек слаб, — мрачно сказал священник уже более спокойным голосом. — Господь создал нас по своему образу и подобию, но только внешне, так как внутри, — при этом он ударил себя свободной рукой в грудь, — внутри у нас все выглядит по-другому. Наши души — это потайные места, такого же черного цвета, что и глубины ада. Зависть, недоброжелательство, надменность, высокомерие, измена, ложь, обман, ярость, лень, скудость, тревога, пьянство и сладострастие...

При каждом из перечисленных грехов он переводил пристальный взгляд с одного человека на другого, и люди невольно отступали перед взглядом огромного, сильного быка в одеянии священника.

— Среди нас нет ни одного безгрешного. Мы развратили и настолько унизили Его творение, что теперь никто из нас не в состоянии первым бросить камень в грешника, и именно поэтому вы — грешники. — Вытянув руку, он пальцем указывал то на одного, то на другого, пронизывающим взглядом всматриваясь каждому в глаза. — Именно поэтому Господь наслал на нас бестию, — чтобы очистить и нравственно возродить, чтобы показать, как неправильно и самодовольно мы себя вели, и дать понять, что мы обязаны признать свои ошибки и вернуться на путь добродетели. Бестия появилась, чтобы наказать нас за прегрешения, научить покорности перед Богом, и не важно, что мы ненавидим его действия и пытаемся убить чудовище. Безуспешность этих попыток — лучшее доказательство, что бестия не из нашего мира, что она — орудие наказания Бога, и пока мы не испили чашу страдания в полной мере, чудовище для нашего оружия остается недостижимым. Ни один клинок не ранит его, ни одна пуля не достигнет цели, ни в одну западню оно не попадет. Бестия, как туман, недостижима, и вместе с тем настолько ощутима, что невозможно отрицать ее существование. Она — орудие наказания Бога. Но в действительности Он нас не наказывает, говорю я вам, нет, Бог — добрый и милосердный. Он не наказывает, а подвергает нас испытанию, дети мои.

— Аллилуйя, — тихо пробормотали двое или трое мужчин, почти с благоговением, в то время как Сальери сделал большой глоток из своей кружки, вытер ладонью пену с буйно растущей

седой бороды и продолжил свою полную страсти проповедь.

— Это — испытание, ниспосланное Богом! — грохотал его голос, пока он расхаживал по залу, притягивая все взгляды к себе. — Испытание нашей стойкости и веры. Бог хочет, чтобы мы Ему показали, что мы верим, что мы снова признаем себя приверженцами Его и Его идеалов и отрекаемся от прегрешений прошлого, от зависти, недоброжелательства и порочного вождения, пожирающих наши души, подобно раковой опухоли. Братья мои, мы должны вырвать эту гноящуюся опухоль...

При этих словах он ударил себя кулаком в грудь и изобразил, как будто что-то с силой вырывает из груди и держит перед собой. Изобразил столь выразительно, что каждый из присутствующих поверил, что видит нечто подрагивающее в его руке.

— Мы должны вырвать эту заразу из наших тел и наших душ, из всей нашей жизни, чтобы показать всемогущему Богу, что мы усвоили урок! А для этого мы должны принести Богу самую большую жертву, которую только может принести человек, подобно Аврааму когда-то на горе пожертвовавшим сыном своим Исааком, чтобы показать свое послушание Богу. Только так мы сможем очиститься от нашей вины — тем, что добровольно и без сожаления отдадим Богу то, что он сам может взять с помощью бестии!

Он смолк, тяжело перевел дух и жадно допил оставшееся пиво из кружки.

В помещении было тихо, как на кладбище, казалось, что никто не решается даже вдохнуть полной грудью. Весь мир словно застыл, все глаза были направлены на священника. Даже клубы дыма от множества трубок, казалось, застыли в воздухе. Бесконечные секунды никто не произносил ни слова, как будто присутствующие ждали, что Сальери продолжит проповедь. Но священник сказал все, что хотел, остался доволен своей речью и теперь просто стоял, тяжело переводя дух. При этом он излучал особую ауру почтения и страха, подобно статуе легендарного героя на рыночной площади. Его взгляд беспорядочно блуждал вокруг, затем перешел к угловому столу, и Сальери пристально уставился на Зару своими пронизывающими серо-голубыми глазами, которые, казалось, проникали в самую душу. В свете ламп на его безымянном пальце правой руки блестел золотой перстень с печаткой, но на расстоянии Заре не удалось рассмотреть выгравированный сюжет.

Слова священника ее удивили. Насколько она знала, его религия не признает человеческих жертв, к тому же Авраам не принес в жертву своего сына Исаака, потому что Бог успел вмешаться и вместо человеческой жертвы потребовал кровь животного. Поэтому слова священника ей показались более чем странными.

Но, кажется, на жителей Мурбрука слова священника оказали иное действие. В помещении таверны все еще было тихо, потом кто-то внезапно начал благоговейно шептать:

— Аллилуйя!

И еще раз, чуть громче:

— Аллилуйя!

Нерешительные голоса других гостей становились все громче.

— Аллилуйя! — шепотом подхватил сидевший за столом между ними мужчина, одним махом допил свою сивуху и уже громче повторил: — Аллилуйя!

Парень неподалеку тоже вступил, и затем внезапно десятки голосов пробормотали «Аллилуйя!» сначала слабо и сдержанно, затем все громче и восторженнее, и с каждым следующим голосом и каждым новым «Аллилуйя!» атмосфера в зале заметно менялась. До этого людей переполняли страх, скорбь и отчаяние, но чем громче становились возгласы, тем быстрее страх и скорбь превращались в злобу и ярость, и когда первый вскочил, подняв расплескивающийся стакан, и во все горло проорал «Аллилуйя!», другие подхватили и помещение таверны загудело. Сальери стоял посередине, мощный и непоколебимый, как скала, о которую разбивается морской прибой, и старался подавить торжествующую улыбку. На своих службах в церкви он никогда еще не переживал такого проявления страха Божьего у людей.

Люди хотели верить, что Сальери прав.

Они хотели верить, что их беда — проявление воли высшей власти. Что можно победить зло, примирившись с Богом, или, по меньшей мере, принеся Ему жертву. Конечно, что может быть проще — принять все как дело рук Бога, а не признаться себе, что они не в состоянии избавиться от бестии собственными силами, что бестия потому каждый раз находит новую жертву, что жители Мурбрука неспособны надежно защитить своих любимых.

Зара была не в силах понять людей — не только здесь, в Мурбруке, но и человечество в целом. Если дела шли своим чередом, у каждого был достаток, никто даже не утруждал себя мыслями о Боге, равно как и старанием жить согласно Его законам. Но едва дела выбивались из колеи и уже не поддавались контролю, люди падали на колени и горячо молились о Божьей помощи. К Богу обращались только в тех случаях, когда люди не знали, что им делать.

Кажется, бургомистр фон дер Вер относился к этому большинству, так как вышел из ниши, в которой сидел с Сальери, встал посередине зала, в успокаивающем жесте поднял руку.

— Друзья мои! — призвал он, изо всех сил стараясь перекрыть гул голосов в зале, что ему удалось не без труда. — Друзья мои, послушайте меня! Безразлично, насколько вы опечалены или погружены в отчаяние, вы не должны упускать из виду, что мы вообще не знаем, с чем имеем дело. Сальери и его богобоязненность достойны всяческого уважения, но мы равным счетом ничего не знаем о бестии — вообще ничего! Мы не знаем, послал ли нам зверя Бог или черт или это просто ошибка природы, которую можно исправить огнем и мечом! И до тех пор, пока мы не узнаем, с чем мы, собственно говоря, имеем дело, мы не должны поддаваться на провокации и совершать поступки, в которых, возможно, потом будем горько раскаиваться!

Он старался говорить со всей убедительностью, хотя, похоже, и сам не был уверен в том, о чем

говорил.

— Тебе хорошо говорить, бургомистр! — выкрикнул пожилой толстяк с кудрявой окладистой бородой и сеткой красных прожилок на щеках. — У тебя обе дочери живы!

Другие мужчины громко поддержали его.

— Вот именно поэтому, — старался перекрычать гул голосов фон дер Вер, — именно поэтому я хочу, как и каждый из вас, чтобы зверя как можно быстрее остановили в его кровавой охоте, прежде чем придется оплакивать очередную жертву! Так что мы должны приложить максимальные усилия, чтобы все осталось как есть, не забывая, разумеется, тех, кому не повезло. Так что жертва, — бургомистр старался заглушить яростные выкрики разгневанной толпы, — жертва, которую требует Сальери, не может быть решением! Мы не можем знать наверняка, действительно ли бестия — это орудие Бога. Может оказаться, что это дело рук черта или какого-либо другого скверного создания. Или это всего лишь бешеное животное, которое до сих пор счастливо ускользало из ловушек. Но то, что здесь вам предлагают, то, что требует Сальери, — не может быть решением!

Он бросил на священника взгляд, в котором гнев и просьба о помощи взаимно уравновешивались, но если он надеялся, что Сальери сдаст свои позиции, то ошибался. Священник стоял среди своих приверженцев с невозмутимым выражением лица и втайне наслаждался триумфом.

— Если это воля Бога, — выкрикнул от стойки хозяин трактира, — тогда мы должны покориться его воле, чтобы отвести от себя и своих родных еще большую беду. Именно тебе, фон дер Вер, следует стать первым, кто должен воспользоваться любой возможностью, чтобы освободить нас от этого зла! Все-таки ты наш бургомистр, и благо общины для тебя должно стоять на первом месте, превыше семьи и всего, что тебе дорого. А вместо этого ты стоишь здесь и предлагаешь людям, потерявшим детей, жен и сестер, а также тем, кому грозит подобная участь, не делать ничего. Как будто ничегонеделание может остановить бестию!

Раздались одобрительные выкрики и гневный ропот.

Один мужчина вышел вперед, рука его лежала на плече молодой женщины, обряженной в мужскую одежду.

— Это — Тира, моя младшая дочь, — начал он с глазами, полными слез. — Ее сестру растерзал зверь. Ей не было и восемнадцати. И теперь я должен рисковать второй дочерью, последним, что у меня осталось в жизни?

Он крепко прижал девушку к груди и покачал головой.

— О нет, бургомистр, этого я не допущу. Тот, кто этой ужасной зимой еще никого не потерял, должен принести жертву. Наверняка это смягчит Бога, и бестия будет изгнана. Мы должны

сделать все, что в нашей власти, чтобы убийства наконец прекратились!

Другие мужчины громко выразили свое согласие. Всеобщее настроение становилось все более возбужденным, негодование возрастало с каждой секундой, но бургомистра фон дер Вера не так легко было сбить с толку.

— Я знаю, это тяжкая ноша, — примирительным тоном воззвал он к мурбрукцам. — Но даже если постигшая нас беда и не является проверкой веры, то, без сомнения, это проверка нашего разума. А разум — это то, что отличает нас от животных. Итак, доверьтесь разуму и не спешите поступать опрометчиво! Я прошу вас, не делайте ничего, в чем потом будете раскаиваться!

Он несколько растерянно оглядывался в поисках поддержки. Но никто его не поддержал, даже Анна, его плоть и кровь, пренебрежительно пробормотала:

— Болтун.

Она взяла бутылку и опять наполнила стакан.

— Глупая болтовня, — снова пробормотала она, — и ничего больше.

— Анна! — с ужасом прошептала Ванья.

Анна бросила на нее гневный взгляд.

— Но это правда, — затараторила она. — Наш отец... — Она с трудом выговорила эти слова, словно выплюнув кусок гнилого мяса. — Как он может прикидываться простаком и проповедовать разум в то время, как чудовище, возможно, уже охотится на очередную жертву?

— Потому что он знает, куда это заведет, — спокойно заметила Зара, внимательно взглянув на Анну. — Очевидно, вы не понимаете, о чем здесь идет речь, молодая фрейлейн. Ваш отец пытается удержать людей от того, чтобы они сами не превратились в зверей. Священник требует от подвыпивших людей, чтобы они пожертвовали тем, что любят больше всего на свете, точно как Авраам, которому когда-то его Бог поручил сжечь своего единственного сына Исаака на костре, чтобы таким образом показать свое послушание Богу.

Анна наморщила лоб. Моментально из глаз исчезло агрессивное выражение, сменившись искренним беспокойством.

— Вы думаете...

Зара кивнула.

— Да, человеческое жертвоприношение, — продолжила она, — наудачу, не зная, изменится ли что-нибудь после него.

Она не спускала с Анны пронизывающего взгляда.

— Как вам такое, а? Возьмете вы на себя это чрезвычайно ответственное задание? Добровольно?

Анна уставилась на Зару, вытаращив глаза. Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но затем передумала, закрыла рот и с испуганным выражением лица стала обводить взглядом помещение, где кутившие мужчины и женщины уже по-настоящему опьянели. Бургомистр пытался призвать людей к порядку и образумить, но никто не обращал на него внимания, будто его и вовсе не было здесь. Сальери же и не собирался успокаивать подстрекаемую им свору, которая со всем пылом обсуждала, сможет ли кровавая жертва урезонить бестию или нет. В то время как одна половина посетителей высказалась за жертвоприношение, другая половина, — а именно те, у которых до сих пор зверь еще не отнял никого из близких, — была не столь уверена, хотя ни один полностью не отвергал такую возможность.

Заре вспомнились другая зимняя ночь и толпа размахивающих факелами мужчин. «Сожгите монстра!» — звучал в ушах резкий голос, который очень, очень давно она собственными руками заставила замолчать. «Подожгите факелами монстра!»

Зара тихо застонала и постаралась прогнать этот голос, запереть его в темнице подсознания и поспешно выпила еще шнапса, в то время как бургомистр фон дер Вер тщетно пытался успокоить людей. Но его голос оставался неслышанным. Никто здесь не испытывал к нему уважения, вероятно, и потому, что должность — как было принято во многих регионах Анкарии — он получил в наследство от отца, и жители Мурбрука не принимали участия в его избрании. А тот факт, что он состоятельнее многих, которые порой не знали, как им пережить зиму, уважения и любви к нему не прибавлял. Постепенно образовалось два лагеря, которые больше не разговаривали друг с другом, а орали, и еще до того, как один из мужчин выплеснул другому в лицо содержимое пивной кружки, Зара знала, что фитиль почти догорел.

Еще чуть-чуть — и пороховая бочка взорвется...

Зара обратилась к Яну.

— Пора сматываться отсюда, — громко сказала она, чтобы перекрыть гул голосов. — Уведи отсюда девушек. Сейчас здесь станет очень жарко.

Ян кивнул и взял Ваню за руку. Позади него мужчина, у которого с мокрых волос капало пиво, яростно заорал и с силой швырнул в голову обидчика кружку — раздался глухой треск, глиняные черепки разлетелись в разные стороны. Потрясенный противник вскрикнул, с безумными глазами отлетел в сторону и ударился окровавленным лбом о стойку.

С трудом переводя дух, он как раз собрался броситься на врага, как внезапно дверь трактира резко распахнулась и статный человек в дворянском костюме и темном плаще появился на пороге. Длинная тень от фигуры протянулась в помещение, и хотя мужчина не произнес ни звука, а только стоял в дверном проеме, с толпой произошло нечто странное.

Почти одновременно все головы повернулись к двери, и так же внезапно раздраженные голоса стали тише. Дикое рычание сменилось на почтительное бормотание и шепот, и даже драчливые петухи у стойки оторвались друг от друга.

Мужчина, стоявший под дверной притолокой, излучал силу, какую Зара в своей жизни ощущала лишь у немногих. Чего стоил только его внешний вид: мужчина почти полностью заполнил собой дверной проем, и не только по высоте, но и по ширине. По крайней мере, два метра роста, плечи широкие, как шкаф, кисти рук, как лопаты. Лицо под широкополой шляпой с павлиньим пером было характерным и мужественным, со слегка выдающимся подбородком, умными карими глазами и ухоженной, коротко подстриженной густой бородой.

Бургомистр фон дер Вер сразу ощутил благоприятную для себя перемену и с улыбкой облегчения направился к вновь прибывшему.

— Ах, ландграф Грегор д'Арк! — с глубоким почтением приветствовал он великана. — Как приятно вас видеть, граф! Входите и объясните этим добрым людям, что в нынешние времена вместо того, чтобы ругаться, целесообразнее встать плечом к плечу против общего врага! Скажите им, что не может быть решением отдать добровольно то, что зверь может забрать только силой.

Его слова были не чем иным, как мольбой о помощи, просьбой, чтобы Грегор д'Арк помог ему усмирить оголтелую свору. Он смотрел на Грегора почти с мольбой. Взгляды всех присутствующих в зале также были устремлены на ландграфа.

Бесконечно долго дворянин просто молча стоял. Затем спокойным, полновзвучным голосом сказал:

— Облавная охота. Завтра мы устроим облавную охоту, чтобы загнать бестию.

— Но мы уже дважды охотились на нее! — выкрикнул с места один из мужчин. — И ничего путного не вышло!

Раздалось одобрительное, но тем не менее почтительное бормотание.

— На этот раз все будет по-другому, — заверил людей аристократ.

И наконец вошел в помещение, обвеваемый потоком холодного воздуха со снежинками, проникавшим через открытую дверь. Тяжелые сапоги при каждом шаге громыхали по

деревянному полу. Ландграф снял кожаные перчатки и сунул их в карман.

— Это будет самая большая облавная охота, которую когда-либо видел Мурбрук. Каждый мужчина, который в состоянии держать оружие, пойдет с нами, у нас будет бесчисленное количество загонщиков, собак и лошадей, я привлеку всех моих слуг. Мы отправимся на охоту на рассвете и прочедем весь лес, метр за метром. Кроме того, теперь мы можем рассчитывать не только на свои силы.

При этих словах он бросил на Зару через переполненный зал пронизывающий взгляд, неприятно взволновавший ее.

— Давайте понадеемся, что совместными усилиями мы изловим наконец эту бестию. А если нет... — Он прищелкнул языком. — Тогда мы потеряем день. Но что такое один день?

Даже не улыбнувшись, он отвел взгляд от Зары и оглядел толпу.

— Это все, о чем я вас прошу, — сказал он. — Один день для единственной, последней охоты. — Он посмотрел на людей. — Что вы на это скажете?

Мужчины в зале стали переглядываться, выражение агрессии и ярости исчезло с их лиц. Один за другим они смущенно почесали затылки и в конце концов закивали, выражая согласие. Ландграф прав: какое значение имеет один день? Облавная охота не хуже и не лучше остального, что они могут сделать; в худшем случае она окажется бесполезной тратой времени.

Таким образом все согласились с предложением д'Арка, а когда ландграф объявил, что до конца вечера все напитки подаются за его счет, от возбужденного мрачного настроения не осталось и следа. Теперь люди смирно сидели за столами, пили за счет ландграфа и беседовали приглушенными голосами, стараясь не побеспокоить своего благодетеля и льстя себе потаенной надеждой, что завтрашний день принесет освобождение. Сальери не было видно; как только д'Арк появился, он тут же укрылся в нише.

Бургомистр прикоснулся к руке ландграфа.

— Спасибо, — прошептал фон дер Вер Грегору на ухо, чтобы его не услышал никто из присутствующих, однако у Зары были чуткие уши. — Спасибо, вы спасли меня.

— Вы даже не предполагаете, насколько вы правы, Рейнхард, — не глядя на бургомистра, ответил ландграф; взгляд его снова был прикован к Заре. Наконец он размашистыми шагами направился к угловому столу и остановился перед ними.

Дамы вежливо и почтительно кивнули, Грегор ответил им легкой улыбкой и затем обратился к Заре.

— Ну? — спросил д'Арк, не растрачивая время на такие пустяки, как официальное представление, — возможно, потому что не считал это необходимым или собирался сделать в более подходящий момент. — Кажется, толпа едва может дожидаться отправления на охоту в надежде выловить бестию на этот раз. А как вы, моя дорогая? Как вы относитесь к охоте?

Он снова одарил Зару пронизывающим взглядом, как бы пытаясь проникнуть под маску, но это было позволено лишь немногим, и к этому кругу ландграф пока что не принадлежал.

Зара прямо посмотрела в теплые карие глаза Грегора.

— Охота может доставить много удовольствия, — ответила она. — По меньшей мере, до тех пор, пока обе стороны знают, кто — охотник, а кто — добыча.

В уголках рта Грегора появилась снисходительная улыбка.

— Это, — загадочно сказал он, глубоко заглянув Заре в глаза, — мы узнаем самое позднее завтра вечером...

<http://tl.rulate.ru/book/15991/319219>